

УДК 82-312.1

**АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ И АНАЛИЗА РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

©*Погребная Я. В.*, ORCID: 0000-0002-9974-9147, д-р филол. наук,
Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия, maknab@bk.ru

**ASPECTS OF THE DESCRIPTION AND ANALYSIS OF NOVEL BY MIKHAIL
LERMONTOV A HERO OF OUR TIME IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY
TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LITERATURE
AND LITERARY CRITICISM**

©*Pogrebnyaya Ya.*, ORCID: 0000-0002-9974-9147, Dr. habil.,
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, maknab@bk.ru

Аннотация. Современные аспекты исследования творчества М. Ю. Лермонтова определяются тенденциями развития современного литературного процесса. Процесс глобализации находит отражение в литературе и искусстве, вызывая необходимость нового прочтения классики. Мифопоэтическое раскодирование и сравнительно–исторический анализ романа М. Ю. Лермонтова находятся в русле развития современного литературоведения. В статье эти методы анализа романа «Герой нашего времени» описаны как взаимодополняющие и взаимообусловленные.

Abstract. Modern aspects of the study of creativity Mikhail Lermontov are determined by the trends in the development of the modern literary process. The process of globalization is reflected in literature and art, causing the need for a new reading of the classics. Mythopoetic decoding and comparative–historical analysis of the novel by Mikhail Lermontov are in line with the development of modern literary criticism. In the article, these methods of analyzing the novel A Hero of Our Time are described as complementary and interdependent.

Ключевые слова: мифопоэтика, сравнительно-исторический метод, неомиф, архаический миф, мифотворец.

Keywords: mythopoetics, comparative-historical method, neo-myth, archaic myth, myth-creator.

Период рубежа XX–XXI отмечен действием двух противоположных тенденций: с одной стороны, тенденции к глобализации, охватывающей все сферы жизни, включая искусство и литературу, с другой стороны — регионализации, реализующейся в стремлении сохранить и закрепить идентичность. В контексте процесса выявления и выражения идентичности закономерно возникает необходимость обращения к истории, традициям, реставрации исконных форм национальных быта и бытия. Особую роль в обретении и выражении идентичности бесспорно играет русская классическая литература, отражающая многообразные проявления национальной жизни и национального характера. Парафразы произведений русских классиков, доминирующая роль интертекста в художественном пространстве отвечают тенденции закрепления идентичности и ее отражения в искусстве.

Причем, обращение к русской классике в период рубежа XX–XXI вв. характерно не только для отечественной, но и для зарубежной литературы, поскольку в высших проявлениях национальной идентичности прочитываются и общечеловеческие гуманистические формулы.

В контексте этих поисков идентичности в отечественной и мировой литературе появляются романы, предлагающие парафраз «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Последний перевод романа «Герой нашего времени на английский язык» осуществлен в 2009 году (Natasha Randall: 2009). В первой половине XXI века в отечественной и зарубежной литературе: роман Б. Акунина (под псевдонимом Анатолий Брусникин) «Герой иного времени» (2010) [1] строится как парафраз лермонтовского романа, драма О. Михайловой «Путь левой руки» (премьера состоялась 7 ноября 2015 г. в Пензенском областном драматическом театре) написана по мотивам биографии и романа Лермонтова, в романе Дж. Лителла (США, Франция) «Благоволительницы» [11]. (часть действия протекает в оккупированном Пятигорске, который герой-рассказчик воспринимает через призму лермонтовского романа).

Интерес современных как отечественных, так и зарубежных писателей и читателей к творчеству Лермонтова стимулирует развитие сравнительно-исторических исследований лермонтовского творчества, причем, не только на срезе, синхронизируемым хронологически с лермонтовской эпохой в мировой литературе, как в монографии Л. И. Вольперт [2], но с диахронически отстоящими рецепциями мотивов творчества Лермонтова в произведениях писателей XX века и рубежа XX–XXI веков.

Необходимо подчеркнуть, что литературоведческая наука на современном этапе в полной мере отражает новое качество литературы, выступающей частью как национального, внутреннего литературного процесса, так и общего процесса развития современной мировой литературы. «Новое» прочтение классики, сфокусированное на сравнительно-историческом или же историко-генетическом (мифопоэтическом) аспектах ее содержания, должно способствовать раскрытию новых художественных и философских смыслов романа и лирики М. Ю. Лермонтова, расширять границы понимания значения лермонтовских произведений, способствовать осознанию специфичности типа художественного сознания М. Ю. Лермонтова.

Мифопоэтический аспект описания и анализа творчества М. Ю. Лермонтова базируется на взаимодополнении двух родственных методов литературоведческого анализа — историко-генетический и сравнительно-исторический, характеризующихся как академичностью и фундаментальностью содержания и области применения, так и тенденцией к инновационному обновлению и взаимодействию с близкими областями филологического и гуманитарного знания (лингвистикой, фольклором, этнографией, историей, психологией, археологией, имагологией).

Кроме того, сравнительно-исторический анализ творчества М. Ю. Лермонтова определяет своеобразный характер научных изысканий, направленных на корреляцию с мифопоэтическими исследованиями. В монографии Л. И. Вольперт «Лермонтов и литература Франции» (СПб., 2008) намечается именно такая тенденция установления взаимодействия и взаимодополнения сравнительно-исторического и мифопоэтического анализа творческого наследия М. Ю. Лермонтова: мифологизм идентифицируется в концепции романа, предлагаемой Ф. Шлегелем, и соотносительности категорий добра и зла у Ф. В. Шеллинга, а к неомифологическим идеям лермонтовской эпохи исследовательница относит «апологетический» наполеоновский миф, «революционно-освободительный» миф об Андрее Шенье, а также романтические интерпретации мифа о падшем ангеле [2, с. 106]. Вместе с тем содержание современной отечественной компаративистики организует, в первую

очередь, адаптация русской классики в контексте сравнительно-исторического метода, поскольку именно в русской классической литературе сложилась система взаимосвязей культур и сформировались принципы их взаимодействия.

Исследование мифопоэтики М. Ю. Лермонтова не теряет актуальности на протяжении трех последних десятилетий. В центре внимания исследователей находятся как проблемы фольклоризма М. Ю. Лермонтова и адаптации сюжетов и образов, как из русского фольклора, так и из фольклора тюркских народов, в первую очередь, народов Кавказа, равно, как и универсальные западноевропейские фольклорные образы и сюжеты, так и проблемы мифологизма М. Ю. Лермонтова, актуализирующие не только феномен интертекста – способ соединения лермонтовского слова и фольклорного образа, но и феномен мифологизма Лермонтова, идентифицируемый на уровне порождения смысла, структуры образа и путей его художественного воплощения. Фольклоризм М. Ю. Лермонтова выступал объектом исследования в диссертации Н. И. Милевской [15]. Мифопоэтические аспекты творчества М.Ю. Лермонтова давно и плодотворно изучаются Л. А. Ходанен [19–22]; внимание исследователя сосредоточено на анализе художественно-смысловых функций фольклорных сюжетов и персонажей в творчестве М. Ю. Лермонтова. В диссертационном исследовании [8] и монографии [9] А. В. Кузнецовой мифопоэтические смысловые элементы в творчестве М. Ю. Лермонтова идентифицируются в ткани языка художественных произведений, как способы реализации метафорического и символического значения поэтического слова, анализируется семантический объем лермонтовских метафор, приобретающих путем наращивания смысла символический статус и работающих, таким образом, на манифестацию космогенеза М. Ю. Лермонтова. Религиозный христианский миф как конструктивное основание мировоззрения и поэтики М. Ю. Лермонтова проактуализирован в работах И. А. Киселевой [5–6]. В размышлениях А. Любинского «Каменный цветок» [13, с. 114-126] о фундаментальном труде И. З. Сермана «Михаил Лермонтов: жизнь в литературе. 1836–1841» [17] анализ форм авторского присутствия в романе «Герой нашего времени» предваряется выдержкой из письма Дж. Джойса к брату: «Герой Лермонтова аристократ, и усталый человек, и храброе животное. Но есть сходство в цели, названии, а временами и в едкости трактовки» [17, с.121], — в которой предлагается, по сути, архетипическое прочтение образа главного героя: аристократ — персона, ориентированная в социум, усталый человек — самость, внутренняя суть героя, храброе животное – архетип тени, анти-я, дочеловеческого в человеке. Некоторые частные аспекты мифопоэтики М.Ю. Лермонтова затронуты на уровне постановки проблемы в статье М. А. Галиевой «Фольклоризм прозы М. Ю. Лермонтова: постановка вопроса. Повесть «Бэла»» [4, с. 71–74]. Необходимо подчеркнуть, что мифопоэтические аспекты творчества М. Ю. Лермонтова вызывают интерес не только у теоретиков и историков литературы, но и у культурологов: в 2012 году в диссертационном исследовании культуролога Е.В. Сединой были описаны и исследованы мифопоэтические параметры картины мира в творчестве М. Ю. Лермонтова [16].

В фокусе мифопоэтических исследований находится, в первую очередь, поэмы и роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Предметом исследования выступает не фольклоризм романа, не рецепция мифа и проблема интертекста, порождаемого путем синтеза мифа или адаптации мифа/мифов к роману, а мифологизм романа М. Ю. Лермонтова, мифологемы и архетипы, раскодируемые в смысловом поле романа. Миф интерпретируется, по определению А. М. Лобока, как «своеобразный шифр культуры» [12, с. 26], как неотчуждаемая часть сознания, его глубинный смысловой пласт, мост, соединяющий современного человека с миром архаической культуры, компоненты коллективных мифологических представлений — архетипы и мифологемы — входят в структуру

художественного образа, выступают одной из его смысловых граней. Индивидуальное творческое мышление, обладая этажной структурой, глубинные этажи которой соотносимы с коллективным архаическим мифологическим мышлением, порождая художественный образ, сообщает ему идентичную этажность, многомерность, признаки мифологического феномена, в котором по параметрам, разработанным Л. Леви-Брюлем, устанавливается идентичность творческого мифотворящего сознания с архаическим, прелогическим, поскольку «предметы, существа, явления могут непостижимым для нас образом быть одновременно и самим собой и чем-то иным» [10]. Архетипическая, мифологическая смысловая составляющая выступает неотъемлемой и идеологически значимым компонентом многомерного художественного образа, одним из параметров его идентификации. Выявление этой смысловой составляющей достраивает семантический объем образа, способствует его более полному и точному пониманию.

Рубеж XVIII–XIX вв. отмечен стремлением к ресемантизации уже сложившихся в искусстве и литературе сюжетов, образов, мотивов, а также тенденцией к ремифологизации культуры в целом и литературы, в частности. Именно в начале XIX века в трудах и исследованиях философов и ученых, придерживающихся романтической концепции генезиса художественного творчества и его значимости, создаются первые теории мифа и выстраивается первая система критериев, дифференцирующих миф современный и миф архаический. Е. М. Мелетинский указывал на значимость романтического этапа в становлении теории изучения и толкования мифа: «Романтическая философия мифа, подготовленная работами Хр. Г. Гейне, друга Гете К. Ф. Морица, научными и теоретико-литературными выступлениями братьев Шлегелей и других авторов, получила свое завершение у Ф. В. Шеллинга (параллельно писали о мифе и символе Ф. Крейцер, И. А. Канне, братья Гриммы, Г. Х. Шуберт и др.). В романтической философии миф преимущественно трактовался как эстетический феномен, но ему вместе с тем придавалось особое значение как прототипу художественного творчества, имеющему глубокое символическое значение; преодоление традиционного аллегорического толкования мифа (отчасти еще у Хр. Г. Гейне) в пользу символического...» [14]. Г. В. Шеллинг в чрезвычайно значимом для становления и развития теории мифа труде по философии мифа («Историко-критическое введение к философии мифологии. (Мюнхенские лекции)», 1825) подчеркивал: «Мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства...» [22, с. 105]. Можно утверждать, что данное положение выступает основополагающим для той концепции мифа, которая вырабатывается в большинстве современных отечественных и зарубежных школ мифопоэтики: от западноевропейской и американской мифокритики до концепции мифореставрации С. М. Телегина.

В монографии А. Косарева «Философия мифа» [7] утверждается мысль не только о единстве генезиса науки и мифологии, но и показывается эвристическая перспективность моделей мифологического мышления (принципа троичности, образа мирового дерева) для развития науки. С другой стороны, в поздних работах М. Элиаде утверждается тезис о необходимости изменения отношения к архаическим формам образности, которая уже не просто выступает объектом внешнего изучения и осмысления, а должна вычитываться из глубин сознания современного человека, который может идентифицировать себя через архаический миф [23, с. 39]. Миф объединяет эмпирическую и трансцендентную реальности, то есть достигает целостности временного и вечного, снимает антиномию стремления к бессмертию и его отрицания линейной моделью современного времени. С другой стороны, после открытия архетипов коллективного бессознательного К.-Г. Юнгом безусловная причастность любой формы образности или социального, политического, бытового

обобщения к архаическим истокам, которые могут быть вычитаны и проактуализированы путем диахронического раскодирования, стала восприниматься априори.

Таким образом, мифологизм в литературе, искусстве и культуре в целом имеет две основных формы: первая направлена на новое прочтение, интерпретацию архаического мифа и свойственна эпохам рефимологизации, начиная с романтизма, вторая направлена на вычитывание, раскодирование мифологического содержания в произведениях, не предлагающих новой интерпретации старого мифа и соотносимых миметически с постмифологическими историческими смыслами. При этом основным признаком мифологизма в его обеих разновидностях выступает транспонирование мифа в новый мир с иными, отличными от исходных для мифа пространственно-временными характеристиками.

Необходимо подчеркнуть принципиальное отличие архаического мифа от современного, как вторичной семиологической системы, воспроизводящей на новом материале основные признаки архаического мифа, а именно: цикличность времени, предперсональность героя, тождество вымысла и правды. Это положение определяет принципиально значимый для неомифа, порождаемого в системе отношений двух текстов (как минимум), факт: мифологизироваться, т. е. восприниматься как миф, наделяться чертами мифа может любой текст. Необходимо подчеркнуть, что мифологические компоненты, как выраженные путем прямой рецепции архаического мифа, так и присутствующие в подтексте произведения (архетипы, мифологемы, мифемы), не проецируются путем наложения мифа на современное произведение, а вычитываются из семиосферы произведения. Основным принципом мифопоэтического раскодирования смысла произведения выступает, таким образом, не проекция мифа на произведение, а установление органически присущих произведению мифологических смыслов.

При этом транспонирование мифа как архаического, так и окказионального, порожденного отношением и восприятием современного мифотворца, т.е. порождение неомифа осуществляется двумя основными способами: мифологических аналогий, направленных на установление соответствия между современными героями и персонажами архаического мифа (путь «Улисса») и мифологической реставрации, направленной на воспроизведение, рецитацию общих закономерностей, схем, эпизодов не некоторого архаического мифа, проактуализированного в своей конкретике, а общего указания на миф как вместилище архетипов. На уровне сюжетной организации текста этот путь находит воплощение в воспроизведении ритуальных схем (инициации, «индивидуации», «биографии» мифологического персонажа), на уровне образной системы в семантизации и ресемантизации символов, персонажей, ситуаций, репрезентирующих мифологическую реальность. Оба пути порождения неомифа соотносимы с соответствующими теориями мифологического мышления как партиципационного (путь мифологических аналогий) и метафоризирующего (путь мифореставрации). Результатом обращения как к архаическому мифу, так и к мифу, созданному восприятием художника, выступает аберрация темпоральности, преодоление линейности времени, «опространствление» (Ж. Деррида) времени. Оба пути порождения неомифологического текста идентифицируются в творчестве М. Ю. Лермонтова, однако, аналогизирующий принцип находит неполное воплощение, в то время как путь мифореставрации репрезентируется в самых разнообразных формах.». Вместе с тем любая форма обращения к мифу направлена на обретение вечности, преодоления линейности времени и неизбежности смерти.

Дифференцируя миф архаический и миф современный, мы обращались к термину «постархаический миф», тем самым подчеркивая его нетождественность мифу космической стадии. При этом данный термин применяется равно и к мифам, смоделированным

мифотворцами XX века по образцам архаических, и к мифологической рефлексии, свойственной роману М. Ю. Лермонтова и выявляемой только в ходе мифопоэтического раскодирования значения образов романа. Вместе с тем создание постархаического мифа как на уровне идентификации скрытых в подтексте отдельных мифологических смыслов, так и на уровне целостной космогонической картины, созданной в новом мифе, отвечает двум основным тенденциям, определяющим специфику архаического мифа: предперсональности героя и цикличности времени. Обращение времени в цикл означает в применении к судьбе отдельного человека гарантированную возможность обретения бессмертия. Я. Э. Голосовкер указывал, что именно концепция бессмертия сообщает одухотворенность и длительность культуре: «Утрата идеи бессмертия – признак падения и смерти культуры» [3, с. 125]. Собственно уже в «Герое нашего времени» смерть протагониста, приходящаяся на середину романа, декларирует идею смерти материи, но бессмертия сознания, отраженного в тексте, точнее, сам текст романа и есть явленное в слове сознание героя, таким образом, мысль героя, повествование, которое он сам ведет о событиях своей жизни, ставят под сомнение, отменяют в романном пространстве его смерть.

В литературе XX века мифы выстраиваются на основе современной истории, современного бытия и быта, следуя общим схемам мифологического мышления. Но, исходя из теории архетипов К. Г. Юнга, ставшей определяющей для всех видов мифологизма XX века, те же схемы архаического мифологического мышления можно выявить и в литературных произведениях XIX века, даже в тех случаях, когда автор осознанно не обращается к интерпретации того или иного мифа, поскольку область коллективного бессознательного выступает единой для поэта и писателя как XIX в., так и XX в., в нижних этажах сознания мифотворца XIX в. априори присутствуют и функционируют те же архетипы, что и в той же области коллективного бессознательного художника XX века.

Список литературы:

1. Бруникин Анатолий (Борис Акунин). Герой иного времени. Режим доступа: <http://knizhnik.org/anatolij-brusnikin/geroj-inogo-vremeni> (дата обращения: 30.09.2017).
2. Вольперт Л. И. Лермонтов и литература Франции. СПб.: Алетейя, 2008. 300 с.
3. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 216 с.
4. Галиева М. А. Фольклоризм прозы М. Ю. Лермонтова: постановка вопроса. Повесть «Бэла» // (Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №9 (42). С. 71-74.
5. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М: МГОУ, 2011. 224 с.
6. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов: богословие природы // Простор, 2014, №4. <http://друзбанародов.com/magazines/prostor/2014/4> (дата обращения: 30.09.2017).
7. Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.: Университетская книга, 2000. 303 с.
8. Кузнецова А. В. Лирический универсум М. Ю. Лермонтова: семантика и поэтика. дисс. д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 458 с.
9. Кузнецова А. В. Лирический универсум М. Ю. Лермонтова: семантика и поэтика. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2003. 211 с.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. <https://goo.gl/AuXGij>. (дата обращения: 30.09.2017).
11. Литтелл Дж. Благовоительницы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 800 с.
12. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации. 692 с.

13. Любинский А. На перекрестье. СПб.: Алетейя, 2007. 232 с.
14. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа // Фольклор и постфольклор. Режим доступа: <https://goo.gl/FG9NEc> (дата обращения: 30.09.2017).
15. Милевская Н. И. Фольклоризм М. Ю. Лермонтова: автореф. дисс. ... к. филол. н. М. МПГУ, 1990. 16 с.
16. Седина Е. В. Мифопоэтическая картина мира в творчестве М. Ю. Лермонтова как феномен художественной культуры. автореферат дисс. канд. культурологии. Чита, 2012. 24 с.
17. Серман И. З. Михаил Лермонтов: жизнь в литературе. 1836-1841. М.: РГГУ, 2003. 278 с.
18. Ходанен Л. А. Поэмы М. Ю. Лермонтова: Поэтика и фольклорно-классические традиции: Кемерово, 1990.
19. Ходанен Л. А. Поэтика Лермонтова: аспекты мифопоэтики. Кемерово: КемГУ, 1995. 94 с.
20. Ходанен Л. А. Фольклорные и мифологические образы в поэзии М.Ю. Лермонтова. Кемерово: КемГУ, 1993. 116 с
21. Ходанен Л. А. Эпический мотив «конь и всадник» в романтическом творчестве М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя // Проблемы изучения и преподавания творчества М. Ю. Лермонтова (Нравственно-философские аспекты): тезисы научной конференции. Ставрополь, 1991. С. 24–27.
22. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
23. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996. 288 с.
24. A Hero of Our Time. Transl. from an introduction and notes by Natasha Randall; foreword by Neil Labute. New York, Penguin, 2009. 151 p.

References:

1. Anatoly, Brunikin (Boris Akunin). Hero of a different time. Access mode: <http://knizhnik.org/anatolij-brusnikin/geroj-inogo-vremeni> (access date: September 30, 2017).
2. Volpert, L. I. Lermontov and literature of France. SPb.: Aletheia, 2008. 300.
3. Golosovker, Ya. E. (1987). The Logic of Myth. M.: Science, 216.
4. Galiyeva, M. A. (2015). Folklorism of M. Yu. Lermontov's prose: posing the question The story "Bela". (Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 9 (42). 71-74.
5. Kiseleva, A. A. & Creativity, M. Yu. (2011). Lermontov as a religious-philosophical system. M: MGOU, 224.
6. Kiseleva, I. A. (2014). M. Yu. Lermontov: Theology of Nature. *Prostor*, (4). <http://druzhbanarodov.com/magazines/prostor/2014/4> (circulation date: 09/30/2017).
7. Kosarev, A. F. Philosophy of Myth: Mythology and its heuristic significance. M.: University book, 2000. 303 p.
8. Kuznetsova, A. V. (2003). Lyrical universum of M. Yu. Lermontov: semantics and poetics. diss. Dr. Filol. sciences. Rostov-on-Don, 458.
9. Kuznetsova, A. V. (2003). Lyrical universum of M. Yu. Lermontov: semantics and poetics. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 211.
10. Levy-Bruhl, L. Supernatural in primitive thinking. <https://goo.gl/AuXGij>. (the date of the appeal: September 30, 2017).
11. Lyttelle, J. (2014). Benevolent. M.: Ad Marginem Press, 800.
12. Lobok, A. M. Anthropology of Myth. Ekaterinburg: Bank of cultural information. 692.
13. Lyubinsky, A. (2007). At the crosshairs. SPb.: Aletheia, 232.

14. Meletinsky, E. M. The Poetics of Myth, Folklore and Post-Folklore. Access mode: <https://goo.gl/FG9NEc> (access date: 09/30/2017).
15. Milevskaya, N. I. (1990). Folklorism of M. Yu. Lermontov: author. diss. ... k. Filol. n M. MPGU, 16.
16. Sedina, E. V. (2012). Mythopoetic picture of the world in the works of M. Yu. Lermontov as a phenomenon of artistic culture. Abstract of Diss. Cand. cultural studies. Chita, 24.
17. Serman, I. Z. (2003). Mikhail Lermontov: life in literature. 1836-1841. M.: RSUH, 278.
18. Hodanen, L. A. (1990). Poems M. Yu. Lermontov: Poetics and Folk-Classical Traditions: Kemerovo,
19. Hodanen, L. A. (1995). Poetics of Lermontov: aspects of mythopoetics. Kemrovo: KemSU, 94.
20. Hodanen, L. (1993). Folklore and mythological images in the poetry of M. Yu. Lermontov. Kemrovo: KemSU, 116.
21. Hodanen, L. A. (1991). The epic motive "horse and rider" in the romantic works of M. Yu. Lermontov and N. V. Gogol. Problems of studying and teaching the works of M. Yu. Lermontov (Moral and Philosophical Aspects): theses of a scientific conference . Stavropol, 24–27.
22. Schelling, F.V.J. (1966). Philosophy of Art. M.: Thought, 496.
23. Eliade, M. (1996). Myths, dreams, mysteries. M.: REFL-book, K.: Vakler, 288.
24. A Hero of Our Time. Transl. Natasha Randall; foreword by Neil Labute. New York, Penguin, 2009. 151.

*Работа поступила
в редакцию 24.09.2018 г.*

*Принята к публикации
27.09.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Погребная Я. В. Аспекты описания и анализа романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в контексте современных тенденций развития литературы и литературоведения // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №10. С. 526-533. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/pogrebnaaya-uav> (дата обращения 15.10.2018).

Cite as (APA):

Pogrebnaaya, Ya. (2018). Aspects of the description and analysis of novel by Mikhail Lermontov A Hero of Our Time in the context of contemporary trends in the development of literature and literary criticism. *Bulletin of Science and Practice*, 4(10), 526-533. (in Russian).